

УДК 101.1

DOI 10.23683/2227-8656.2019.2.9

**ИНТЕНЦИИ АРХАИЗАЦИИ
В ОФИЦИАЛЬНОМ
ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ
И ПОЛИТИЧЕСКОЙ
РИТОРИКЕ**

**THE INTENTIONS
OF ARCHAIZATION
IN THE OFFICIAL
IDEOLOGICAL DISCOURSE
AND POLITICAL
RHETORIC**

Ситников Алексей Петрович

Старший научный сотрудник
лаборатории исследования и экспертизы
социальных практик на Юге России,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: isir-sfedu@yandex.ru

Aleksey P. Sitnikov

Senior Researcher at the Laboratory of
Research and Examination of Social Practices
in the South of Russia, Institute of Sociology
and Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: isir-sfedu@yandex.ru

В данной статье рассматривается, как образуются и развиваются интенции архаизации в официальном идеологическом дискурсе и официальной риторике. Отмечается, что интенции архаизации проявляются в том, что политическая риторика и официальный идеологический дискурс подчеркивают необходимость и ориентируют массовое сознание на героизацию прошлого, апологетику советских времен, отрицательное отношение к политической свободе, искажение привычных понятий, в числе которых наибольшим трансформациям подвергается понятие «демократия».

Ключевые слова: архаизация; интенции архаизации; идеологический дискурс; политическая риторика; героизация прошлого.

The article examines the formation and developing of the archaization tendencies in the official ideological discourse and official rhetoric. It is noted that the intentions of archaization are manifested in the fact that political rhetoric and official ideological discourse emphasize the need of the heroization of the past, the apologetics on the Soviet times, negative attitude to political freedom, the distortion of familiar concepts, including the greatest transformations of the concept of “democracy”.

Keywords: archaization; intentions of archaization; ideological discourse; political rhetoric; heroization of the past.

Введение

Трансформация общественной системы постсоветской России происходит в сложных и противоречивых условиях, когда традиционные компоненты ценностной системы, сложившиеся типы массового сознания, доминирующие формы социального поведения зачастую препятствуют усвоению модернизационных норм и социальному укоренению современных институтов. Многие мыслители, осуществляя анализ российской истории, говорят о том, что всякая модернизация у нас наталкивается на элементы архаики, традиционализма, мифологического сознания. Изменения, происходящие в ходе реформ, неизбежно вступают в противоречие с устоявшейся нормативной культурой, зачастую порождая конфликты и отторжение нововведений, неприятие социокультурной почвой модернизационных перемен.

В социально-философском дискурсе первостепенное значение все более явно придается поискам ответов на вопросы, связанные с историческими судьбами и перспективами развития России в XXI в. в контексте модернизационных процессов, выбора современных цивилизационных ориентиров развития, обретения соответствующей социокультурной идентичности.

Объектом исследования является процесс архаизации в современном российском обществе.

Предмет исследования – интенции архаизации в официальном идеологическом дискурсе и официальной риторике.

В данной статье мы ставим перед собой цель – проанализировать, как образуются и развиваются интенции архаизации в официальном идеологическом дискурсе и официальной риторике.

Интенции архаизации в официальном идеологическом дискурсе

В процессе становления новой социальности актуализируются проблема и сюжеты идеологического обоснования стратегического вектора общественно-политических и социально-экономических преобразований. В идеологических построениях властных субъектов как субъектов трансформаций в целях обоснования проектов развития подвергаются инструментализации многие идеи и воззрения. «Для понимания перспектив развития российской государственности и государственной идеологии в ближайшем будущем, – полагает А. Окара, – крайне важно прояснить социальный и функциональный статус текстов и концептов, которые генерирует власть» (Окара, 2007).

Элита – это не просто властный слой, но и социальная группа, создающая общественно значимые смыслы, а также формирующая среду, где эти смыслы рождаются и распространяются (Сумма идеологии, 2008. С. 5). Представители элиты ведут поиск новых идей социальной мобилизации и консолидации. Идеология как ресурс поддержки элиты, в первую очередь политической, становится необходимым элементом легитимации, встраивается в политический дискурс, опредмечивается в программах политических партий.

В современных российских реалиях модели преобразований и сценарные идеологические конструкции часто сводятся к комплексу идеологем как вербально выраженных политизированных идей.

Идеологема – это положение (суждение, понятие, принцип), которое входит в состав идеологии и выполняет в ней важную функцию. Например, идеологию сталинского периода можно иллюстрировать такой идеологемой, как тезис об обострении классовой борьбы по мере строительства социализма; для идеологии периода застоя в СССР характерна такая насаждаемая идеологема, как «новая социальная общность – советский народ» (Бирюков, 2006).

Как замечает Б.В. Дубин, российское общество приобретает статичные формы и функционирует сегодня как сообщество зрителей, а демократия принимает имитационные формы без реального участия жителей страны. Для рефлексирующей части общества объединяющим моментом, формирующим «мы» россиян, выступает именно такая социальная и политическая пассивность. Эта пассивность дает простор и полномочия для власти риторически взывать к большинству, для того чтобы на практике ликвидировать те или иные меньшинства (нежелательные партии, ибо они являются неподконтрольными, как и самостоятельные гражданские и профессиональные сообщества, непослушные медиа, несговорчивые олигархи и все сколько-нибудь независимые инстанции и персоны).

Обращения современной власти и официальных ее представителей к населению с призывами к объединению с соответствующими лозунгами и символами являются на текущий день фактором деполитизации общества. Основным моментом такой риторики выбирается сплочение всех против собирательного образа врага, где точкой сбора выступает первое лицо государства, а поле значений языка – все, что есть великодержавного (Дубин, 2005. С. 12).

Коренные перемены в общественном устройстве, политике, экономике и жизненном укладе начинаются уже в 1990-е гг. При таких условиях власти все сильнее требуются исторические основания для

своей легитимации и массовая поддержка (Малинова, 2009. С. 39). Зачастую власти использовали массовое настроение людей с их жаждой порядка.

Первыми документальными проявлениями современной «кремлевской идеологии» можно считать интервью заместителя главы президентской администрации В. Суркова «Комсомольской правде» осенью 2004 г., а чуть позднее интервью Д. Медведева, являвшегося на тот момент главой президентской администрации (весна 2005 г.), журналу «Эксперт». Центральным документом официальной идеологии Кремля можно называть Послание Президента В.В. Путина Федеральному собранию в 2005 г., где идеологическая нагрузка уже не просто намечалась, но выступила системным основополагающим моментом, по словам Д. Бадовского (Бадовский, 2007).

Аналитики либералистского толка считают, что использование риторики «консервативной революции» властью происходило не из-за разделяемых ею данных идейных оснований, а из-за дефицита и опустошенности собственного идейного наполнения.

Базовый идеологический тезис суверенной демократии – создание государства, которое будет «свободным и независимым, отстаивающим свой суверенитет и территориальную целостность, которое демократично в силу реализации свободы слова (когда за мысли не сажаят) и свободы дела (когда можно беспрепятственно зарабатывать своей профессией деньги)». Его альтернатива – контроль свободы человека государством (Токарев, 2010).

Элементы архаизации достаточно отчетливо просматриваются в идеологических конструкциях В. Суркова.

Одна из основополагающих идей В. Суркова – это стабильность. Это критический фактор политики, инструмент модернизации и развития, а не застоя, в противовес хаосу, согласно Суркову.

Новый либеральный консерватизм по версии Суркова опирается на национальную матрицу, сложившуюся на протяжении русской истории, и тем самым преодолевает то противоречивое положение любого консерватизма в революционную и постреволюционную эпоху, когда, казалось бы, нечего сохранять (Казаков, 2007).

Возврат в ту же реку истории, давно унесшей свои воды деревенского, имперского, советского прошлого, невозможен. У современного урбанизированного общества нет моделей в прошлом, и время требует не исторических аналогий и устаревших рецептов, а создания новейших механизмов регуляции. Если это общество желает быть свободным и демократическим, оно не подчинится ни единой тоталитарной

установке, не станет поклоняться одной партии или вождю (Казаков, 2007).

Разочарование в действительности ведет к усилению в обществе ностальгических настроений, всеобъемлющей тоски по прошлому. Общероссийские социологические опросы свидетельствуют, что от 40 до 60 % респондентов в той или иной форме хотели бы возрождения Советского Союза. В то же время эпохи Горбачева и Ельцина массово негативно оцениваются и современниками тех трансформаций, и их потомками, пережившими проблемы переходного времени, т. е. всеми возрастными категориями, что подтверждает упаднический уровень социально-психологического самочувствия граждан и крайне низкую степень адаптированности разных поколений (Великая, 2005).

Периодически вбрасываются идеи и предложения, означающие неизбежное втягивание общества в архаику, вроде предложенного группой депутатов осенью 2011 г. проекта закона о запрете пропаганды гомосексуализма. Многие при этом вспомнили предложения небезызвестного Генриха Ягоды о необходимости запрета педерастии (1933 г.), а также то, что гомосексуализм преследуется в таких странах – оплотах традиционализма, как Иран или Судан.

Другой пример – в октябре 2011 г., выступая на телеканале «Дождь», пресс-секретарь премьера Д. Песков заявил, что «Брежнев – это не знак минус для истории нашей страны, это огромный плюс. Он заложил фундамент экономики, сельского хозяйства» (Ведомости, 2011).

Согласия относительно желаемого будущего страны в обществе не наблюдается. По поводу прошлого ведутся неутраченные споры. Незавершенные задачи и нерешенные вопросы прошлого никуда не исчезли со временем, и они требуют решения сегодня. Отсюда рождается исторический контекст постулатов власти, содержательно обусловленный политическими рекламациями и идеологическими аффилиациями политической элиты.

В итоге конструируется современная социальная мифология – предания, которые воспринимаются основной массой общества как истина и принимаются на веру. Миф служит власти и инструментом самолегитимизации, и одновременно инструментом создания требуемого ей сознания масс.

Недаром Н.В. Горбатова обращает внимание на то, что политическая мифология постсоветской России является практически шедевром фантазмагии, в которой наблюдается такое переплетение мифов, утопии, идеологии и других приемов воздействия на сознание, которое

создает глобальные затруднения для осознания и анализа текущих политических процессов (Горбатова, 2004).

Идеологические послы архаизации во многом затрагивают и привлекают к действию глубинные архетипические моменты культуры и истории.

Интенции архаизации проявляются и в обращении к советскому прошлому, возвращении форм и символов советского, переписывании драматических страниц советской истории. И. Калинин, характеризуя возврат к советскому прошлому как ресурс власти, обращает внимание на то, что либеральное научное сообщество и оппозиция не раз подвергали критике данную стратегию современной политической элиты. Авторитаризм, продвигаемый путинской командой, в этом аналитическом ракурсе предстает как реструктуризация власти по советскому типу, копируя механизмы госуправления, экономического контроля, подавления социальной дифференциации. Помимо этого, советское наследие используется как ведущий источник легитимации текущего режима, символический или идеологический. Понятийной базой концептуализации в данных условиях выступают понятия возврата советского – «консервация», «реставрация», «реанимация», «реактуализация».

Вместе с тем акцентируется в программе реструктуризации не момент трансформации, а момент воспроизводства, советское наследие постсоветского настоящего выступает как воспроизводящиеся процессы, институты и социальные практики, а не как синкретичное соединение символов и практик, прошедших переосмысление в контексте новых вызовов современности (Калинин, 2010).

Интенции архаизации в политической риторике

Интенции архаизации проявляются также в политическом языке и политической риторике.

Мифы и образы прошлого формируют «коллективный позитив», а также являются незаменимым фактором мобилизации в сознании исторического прошлого и играют роль первостепенной важности в консолидации общества.

Таким образом, в дискурсивные практики возвращаются, казалось бы, давно отжившие ценности феодализма и патриархальности в интересах политико-элитарных групп.

По мнению В.С. Мартянова, власти при трансляции националистической пропаганды удастся совместить несовместимое – распространять ценности патриархальности одновременно с ценностями общества потребления. Если современное урбанистическое общество

желает своей свободы, оно никогда не поддастся одной тотальной идее, партии, вождю (Мартьянов, 2012).

В России модернизация идет параллельно с архаизацией, накладывающейся на приверженность значительной части населения архаическим ценностям. Институты архаизации обращаются к основам культурно-цивилизационного развития общества. Как следствие, дуализм официальной идеологической риторики, идущий от внутренних противоречий самой политики, обуславливает разнонаправленные пути развития, что отражается в политическом дискурсе, когда элитные слои всеми силами стремятся развернуть назад текущие социальные и политические изменения.

Доминирующие социальные субъекты и основная часть общества начинают черпать установки и ценности из прошлого, ориентируясь на культурную традицию, и это влечет за собой выдавливание из культурных и повседневных практик новых достижений современности. Разворот к традиционной политике патриархального толка приводит к заметному усилению приверженности в социуме патриархально-фундаменталистскому пути.

Подобным образом в ходе противоречивых процессов становления в России новой социальности приобретает остроту проблема идеологического обоснования стратегического вектора общественно-политических и социально-экономических преобразований. Представители политической элиты ведут поиски новых идей в целях социальной мобилизации и консолидации. Легитимация современной политической элиты базируется на идеологии, которая помещается в политический дискурс и опредмечивается в программах политических партий и движений.

В идеологических построениях власти для обоснования программных вопросов развития подвергаются инструментализации разнообразные идеи и мнения. Формируется официальный дискурс, трактуемый как система норм, ценностей и воззрений, неизменяющаяся последовательность высказываний по поводу значимых общественных событий, для официального разьяснения намерений и действий элиты. Важными факторами при этом выступают обеспечение управляемости обществом и необходимость легитимации существующего политического и экономического неравенства, гарантий сохранения существующей системы распределения власти, привилегий и собственности.

Обращение к архаической составляющей при этом играет заметную роль и свидетельствует о слабой функциональности сегодняшнего политического порядка. С течением времени одной из самых актуаль-

ных становится имперская тема, актуальность которой связана с неизжитыми советскими амбициями и чувством национально-государственной уязвленности. В итоге конструируется современная социальная мифология. Элита намеренно реконструирует ушедшие в историю патриархальные институты и практики, заменяя ими недавно обретенные элементы современности и погружая тем самым Россию в прошлое.

Интенции архаизации проявляются в обращении к советскому прошлому, возвращении форм и символов советского, переписывании драматических страниц советской истории, а советское прошлое зачастую описывается как основной ресурс идеологической легитимации нынешнего режима. Героизация и сакрализация важных исторических событий в модели исторического прошлого как основные моменты пропаганды официального политического дискурса отменяют свободу иной трактовки или рационального пересмотра прошлого. Дуализм в политической риторике власти порождается ее внутренними противоречиями и проявляется в разнонаправленности программных направлений развития. Функционирующие политические элиты предпринимают попытки воскрешения ценностей феодализма и патриархальности ради сохранения своего статус-кво, погружая современное общество в декорации отжившего прошлого, разворачивая развитие вспять.

Выводы

Таким образом, интенции архаизации проявляются в том, что политическая риторика и официальный идеологический дискурс подчеркивают необходимость и ориентируют массовое сознание на героизацию прошлого, апологетику советских времен, отрицательное отношение к политической свободе, искажение привычных понятий, в числе которых наибольшим трансформациям подвергается понятие «демократия». Мифы и образы прошлого формируют «коллективный позитив», а также являются незаменимым фактором мобилизации в сознании исторического прошлого и играют роль первостепенной важности в консолидации общества. В итоге конструируется современная социальная мифология – предания, которые воспринимаются основной массой общества как истина и принимаются на веру. Миф служит власти и инструментом самолегитимизации, и одновременно инструментом создания требуемого ей сознания масс. Важнейшим проявлением архаизации в официальной риторике является постулирование в качестве базовой ценности социальной стабильности, которая вместо средства достижения цели превращается в самоцель.

Литература

Бадовский Д. наброски священного текста. Режим доступа: www.gazeta.ru.

Бирюков Б.В. Социальная мифология, мыслительный дискурс и русская культура. Режим доступа: www.rusreadorg.ru.

Ведомости. 2011. 6 окт.

Великая Н. Зомби или революционеры? Политическая социализация молодежи в контексте исторического сознания. Режим доступа: polit.ru/2005/09.

Горбатова Н.В. Феномен мифологии в политической жизни России (90-е гг. XX века): автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2004.

Дубин Б.В. Посторонние: власть, масса и массмедиа в сегодняшней России // Отечественные записки. 2005. № 6.

Кзаков А. Инставрация смыслов: лекция Суркова и новый русский консерватизм. Режим доступа: <http://www.russ.ru.2007>.

Калинин И. Ностальгическая модернизация: советское прошлое как исторический горизонт // Неприкосновенный запас. 2010. № 6.

Малинова О.Ю. Россия и Запад в XX веке: трансформация дискурса о коллективной идентичности. М., 2009.

Мартыанов В.С. Инволюция элиты в обществе модерна. Режим доступа: www.politex.info.

Окара А. Реприватизация будущего. Режим доступа: www.intelros.ru/2007/07/05/.

Сумма идеологии. Мировоззрение и идеология современной российской элиты. М.: Ин-т общественного проектирования, 2008.

Токарев А.А. Суверенная демократия как идеология и тип политического режима современной России. Режим доступа: www.hse.ru.

References

Badovsky, D. Outline the sacred texts. Available at: www.gazeta.ru.

Biryukov, B.V. Social mythology, thought discourse and Russian culture. Available at: www.rusreadorg.ru.

Vedomosti (2011), Oct. 6.

Velikaya, N. (2005). Zombies or revolutionaries? Political socialization of youth in the context of historical consciousness. Available at: polit.ru/2005/09.

Gorbatova, N.V. (2004). The phenomenon of mythology in the political life of Russia (90-ies of XX century). (Candidate Dissertation, Saint Petersburg).

Dubin, B.V. (2005). Outsiders: power, mass and mass media in today's Russia. *Otechestvennyye zapiski*, 6. (in Russian).

Kazakov, A. (2007). Introduction of meanings: Surkov's lecture and new Russian conservatism. Available at: <http://www.russ.ru.2007>.

Kalinin, I. (2010). Nostalgic modernization: the Soviet past as a historical horizon. *Neprikosnovennyy zapas*, 6. (in Russian).

Malinova, O.Yu. (2009). Russia and the West in the twentieth century: the Transformation of the discourse on collective identity. М.

Martianov, V.C. Involution of elite in modern society. Available at: <http://www.politex.info>.

Okara, A. Future privatization. Available at: www.intelros.ru/2007/07/05/.

The amount of ideology. Worldview and ideology of the modern Russian elite (2008). М.: Institute of public design.

Tokarev, A.A. Sovereign democracy as ideology and type of political regime of modern Russia Available at: www.hse.ru.

Поступила в редакцию

21 февраля 2019 г.